

Т. Ю. Черкашина

Личная, частная, приватная – что значит для россиян собственность, которой они владеют?¹

УДК 316.4

Аннотация. В статье с использованием нормативных документов описаны институциональные условия формирования и увеличения личной и частной собственности населения СССР и Российской Федерации, в которой базовый объект владения – жилье; на примере посланий Президента РФ Федеральному Собранию определены характеристики публичного государственного дискурса в отношении такой собственности, а на данных социологических опросов и обследований домохозяйств показано, как относятся к ней сами россияне. Политика государства смещается от стимулирования приобретения гражданами собственности, прежде всего жилой недвижимости, и выведения её в зону формальных (регистрируемых) прав к использованию ее в контролирующих функциях. В публичном дискурсе с начала 2000-х годов акценты сместились от защиты прав собственности граждан к финансовым инструментам, связанным с нею (жилищной ипотеке, налогообложению), собственность начинает ассоциироваться с приватной, семейной сферой. Отношение населения к собственности в целом согласуется с этим дискурсом: доминирующий объект собственности большинства россиян – занимаемое жилье; проблематизируется, скорее, его покупка, но не обладание им.

Ключевые слова: частная собственность; личная собственность; приватность; дискурс; Послание Федеральному Собранию; отношение к собственности

В апреле 2021 г. Министерство труда и социальной защиты РФ существенно изменило критерии отбора малообеспеченных семей, которые могли претендовать на получение ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет. Такие же критерии были введены для претендующих на заключение социального контракта, получение государственной социальной помощи или предоставление субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг, а позднее распространены на другие ежемесячные выплаты малообеспеченным семьям и сохранены при переходе с 2023 г. на единое

¹ Статья отражает результаты исследования, поддержанного РФФ, проект № 23–28–01171.

детское пособие². По этим правилам нуждаемость претендентов на социальную поддержку государства оценивается не только по низким доходам, но и по имущественной обеспеченности – она должна быть небольшой.

Введение дополнительных имущественных критериев свидетельствует о проблематичности лишь доходных условий доступа к социальной поддержке – данные о доходах могут занижаться, быть неполными и недостоверными, тогда как сведения об имуществе исказить труднее. Это косвенное признание, во-первых, качества «формальных» данных о собственности россиян – усилия государства в течение последних полутора десятилетий по снижению информализации собственности вывели её в «зону видимости». Во-вторых, это *символическое* «подведение черты» под советской моделью жилищной обеспеченности, когда бесплатная раздача жилья приводила к отсутствию прямой связи между его наличием и величиной дохода. Рыночные механизмы, сильнее связывающие текущие доходы и накопленное имущество, стали доминирующими.

Так или иначе государство еще раз обозначило интерес к собственности населения и наделило её «новыми смыслами». Но какое значение придают тому, чем владеют, сами россияне? Несмотря на тридцатилетнюю историю частной собственности, российские социологические исследования в этой области отличаются фрагментарность, а в публичном дискурсе собственность часто отождествляется с (несправедливой) приватизацией, состоянием очень богатых, а не массовых слоев населения. Представляется актуальным установить, *какие смыслы и интерпретации россияне связывают с имущественными активами*. Для этого сначала опишем динамику институциональных условий, норм допустимой собственности граждан, отраженную в государственных документах, а также в публичном государственном дискурсе (в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию). Затем представим частный дискурс собственности, отраженный прежде всего в результатах социологических опросов.

² Министерство труда и социальной защиты. Возможности для малообеспеченных граждан. URL: <https://mintrud.gov.ru/vozmozhnosti/maloobespechennym-grazhdam> (дата обращения: 18.01.2023).

Личная собственность советских граждан

Советская предыстория перераспределения собственности от государства в пользу домашних хозяйств (ее кульминация пришлась на 1990-е гг.) не была однородной с точки зрения институциональных условий существования собственности населения: если до 1990 г. земля предоставлялась гражданам только в пользование, в том числе бессрочное, то в отношении недвижимости (жилья) эти условия были более изменчивы. Хотя в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. частная собственность еще фигурировала как объект правовых отношений, по Конституции СССР, принятой в 1936 г., она уже недопустима: в государственную собственность включен «основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах», граждане обладают правом личной собственности на «трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство»³. Примерно в это же время начинает формироваться «ведомственно-государственная форма собственности», при которой плотно связываются автономные сферы существования человека – его проживание и производственная деятельность; предоставление жилья по месту работы позволяет контролировать работающих, перемещать трудовые ресурсы [Меерович, 2003].

После Второй мировой войны жилищные права вынужденно расширяются: в 1947–1948 гг. сначала работникам совхозов, а затем всем гражданам предоставлено право «купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и вне города». Земля для строительства предоставляется в бессрочное пользование⁴.

Следующий шаг – кардинальная жилищная реформа 1955 г., подразумевающая жилищно-гражданское строительство по «высококачественным типовым проектам», что должно обеспечить «резкое удешевление строительства и улучшение бытовых

³ Конституция (основной закон) СССР (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) / КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2023).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» / КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2023).

условий населения»⁵. Но индустриализация жилищного строительства означала и увеличение государственного жилого фонда. Институциональной альтернативой было возрождение в 1958 г. жилищно-строительных кооперативов.

С улучшением жилищных условий росла жилищная дифференциация населения, и в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. появляется ограничительная норма: в личной собственности гражданина или у совместно проживающих супругов может быть только один жилой дом (или часть его), принадлежащий на праве личной собственности одному из них или находящийся в их общей собственности. Аналогично в собственности совместно проживающих супругов могла быть только одна квартира в жилищно-строительном кооперативе⁶.

В целом с 1940 г. по 1988 г. *городской* государственный и кооперативный жилищный фонд вырос со 161 до 1377 млн м², находящийся в личной собственности граждан – с 70 до 254 млн м², но в относительном измерении доля жилья в собственности граждан в общем городском жилищном фонде сократилась с 30,3% до 15,6%⁷. Если говорить о жилищном фонде *всей страны*, жилье в собственности граждан составляло в 1980 г. 33,3%, в 1988 г. – 27,3% (рассчитано по данным статистики)⁸.

Заметим, что при отсутствии частной собственности на жилье, малоэтажные жилые кварталы в городах получили название «частный сектор». Советское государство вынужденно мирилось с «нестратегическим» присутствием в городах индивидуальной застройки, в обозначении которой «сошлись два одинаково неприемлемых для советского проекта смысла. Частный – как категория собственности и частный – в смысле индивидуальный, личный, приватный» [Дятлов, 2021. С. 21].

⁵ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

⁶ Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3>.

⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Статистика, 1981. С. 237.; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 146.

⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 251; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 146.

К концу 1980-х произошел частичный отказ от сложившейся жилищной системы: в декабре 1988 г. Совет Министров СССР принял постановление «О продаже гражданам в личную собственность квартир в домах государственного и общественного жилищного фонда». Оно не предполагало кардинальных изменений и создания рынка жилья, к тому же советские семьи не спешили платить за то, что им *дали* или *могли дать*: в 1989 г. было куплено всего 10 тыс. квартир (0,03% от их общего числа, подлежащего приватизации), в 1990 г. – 44 тыс. (0,1%)⁹. Но хотя «вялотекущий процесс продажи жилья не повлиял на общую экономическую жилищную ситуацию в стране», он «пробил брешь в советской идеологической доктрине о социалистическом, значит, государственном, жилье» [Бессонова, 1993. С. 105].

Основные институциональные вехи в отношении собственности граждан в СССР фактически связаны с регулированием жилищной собственности, так как земля могла находиться лишь в пользовании, а для приобретения дефицитных транспортных средств нужны были не только деньги, но и время (ожидание в очереди). В советском государственном устройстве личная собственность на жилье означала не столько права на нее, сколько способ получения доступа к благу, альтернативный государственной раздаче. Массовая бесплатная приватизация, наделившая советских людей частной собственностью, произошла уже в другой стране.

Частная собственность россиян: институциональные условия формирования

В тридцатилетней политике российского государства по предоставлению возможностей для прироста собственности российских домохозяйств можно выделить три периода. Первый – создание массовой частной собственности и собственников – охватывает 1990-е гг., когда происходила интенсивная *приватизация* общественного жилого фонда и земель сельскохозяйственного назначения. Правда, инструментами развития рынков недвижимости государство озаботилось существенно позднее: так, Агентство ипотечного кредитования было создано только через шесть

⁹ Российская Федерация в 1992 году. Стат. ежегодник / Госкомстат России. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. С. 243.

лет после начала массовой приватизации жилья, в 1997 г., а ряд законов, упрощавших выделение отдельных земельных участков из паев в коллективных наделах, был принят в начале 2000-х гг.

Хронологические границы второго периода – первое десятилетие 2000-х гг. Тогда на смену исчерпавшему себя приватизационному механизму обретения собственности приходит кредитный. Именно развитие ипотечного кредитования считают успешным результатом приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жильё – гражданам России», который стартовал в 2006 г. [Гонтмахер, 2008]. Его реализация позволила сократить ставки по ипотеке, уменьшить размер первоначального взноса, упростить процедуру согласования сделок и пр.

Этот период отмечен также стартом программы материнского (семейного) капитала (2007 г.), позволявшей направить средства, предоставляемые государством при рождении или усыновлении детей, на улучшение жилищных условий. Её можно считать апробацией «стимулирующих» программ, получивших распространение в дальнейшем, а в целом за это десятилетие сформировалась институциональная инфраструктура *приобретения* собственности.

Отличительными чертами третьего периода стали два связанных процесса: более активное государственное *стимулирование* приобретения собственности и *регулирование* налогооблагаемой имущественной базы. Основные инициативы 2010–2021 гг.:

– Федеральный закон № 435-ФЗ (2010 г.), неформально названный «дачной амнистией», должен был снизить информализацию земельной собственности и строений на садовых участках, предоставляя возможность их упрощенной регистрации при условии постановки на кадастровый учет;

– поправки в Налоговый кодекс (2010 г.), с которых начинается систематический рост транспортного налога в привязке к мощности двигателя, стоимости и года выпуска автомобилей и других транспортных средств. Параллельно государство объявляет о программах льготного автокредитования, постепенно делая их более адресными;

– с 2015 г. в ряде «экспериментальных» регионов, а с 2020 г. – во всех субъектах РФ налог на недвижимое имущество рассчитывается не по инвентаризационной, а по кадастровой стоимости объекта, более приближенной к рыночной;

– программы «Дальневосточный гектар» (2016 г.) и «Дальневосточная ипотека» (2019 г.) для приобретения на льготных условиях земельных участков и строительства (приобретения) жилья в отдаленных регионах. Со временем дальневосточные гектары дополнились арктическими;

– в кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, распространение в пакете мер поддержки, аналогичных тем, что ранее действовали лишь в адресных программах льготной жилищной ипотеки, на всех желающих при покупке строящегося или уже готового жилья в новостройках (отметим, что оценки результативности программ льготной ипотеки в 2020–2021 гг. показывают, что они вызвали резкий рост спроса и, как следствие, цен на рынке недвижимости: население покупало жилье не только для проживания, но и в инвестиционных целях [Рощина, Илюнькина, 2021], идентичность инвестора среди покупателей жилья стала более заметной);

– «гаражная амнистия» (2021 г.), предполагающая упрощенную процедуру регистрации гаражей в виде капитальных строений и земельных участков под ними и ориентированная на выведение в правовое поле данных объектов собственности¹⁰.

Эти примеры демонстрируют, что государство готово снижать кредитную нагрузку на бюджеты семей, вызванную приобретением собственности, если семьи будут содействовать достижению «государственных» целей – жить в регионах с высоким миграционным оттоком населения, делать вклад в естественный прирост населения, поддерживать потребительский и жилищный рынок в кризисных условиях и т.п.

Публичный государственный дискурс собственности в 2000–2023 гг.

Реализация государственной политики в отношении собственности граждан подразумевает конструирование и распространение норм не только «проектными» (в виде государственных программ и проектов), но и дискурсивными средствами (политическими заявлениями, манифестами, посланиями и т.п.)

¹⁰ Федеральный закон от 05.04.2021 № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104050040> (дата обращения: 09.02.2023).

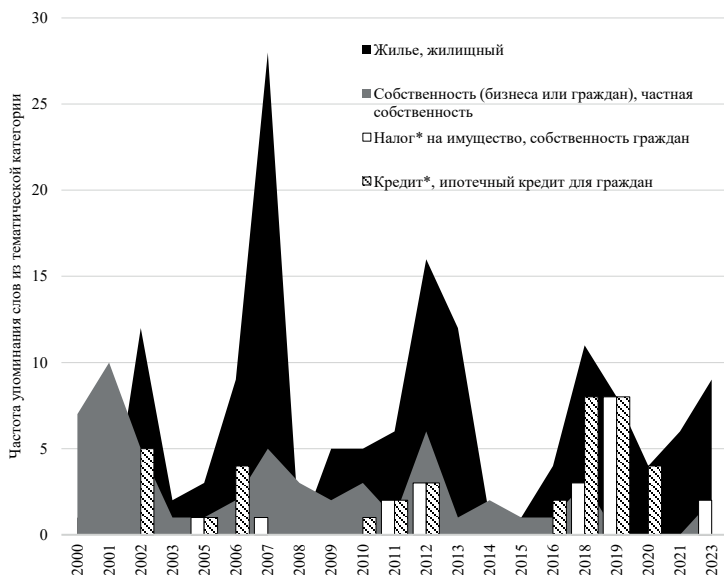
[Kohl, 2020; Arundel, Ronald, 2021]. В российской ситуации один из возможных вариантов идентификации публичного государственного дискурса – анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, отражающих динамику социально-экономической ситуации, значимость социальных проблем и инструментов их решения [Зюзина, 2020]. Предполагается, что «нарратив Посланий, помимо правового и управленческого значения, выполняет аксиологическую функцию, транслируя определенный набор ценностей, закрепляя их в массовом сознании и задавая стандарты социального поведения» [Борщевский, 2022. С. 85]. Ограничение данного источника в том, что послания, формально адресованные Федеральному Собранию, выносятся на «широкое обсуждение» те проблемы и решения, о которых государство готово говорить публично.

В 2000–2023 гг. Президент сделал двадцать одно Послание, тексты которых проанализированы для целей настоящего исследования¹¹. Тема частной собственности в них представлена разными тематическими категориями (сюжетами). Наиболее упоминаемая – *право* частной собственности как объект защиты, незыблемость прав собственности вообще и граждан в частности. С 2000 до 2008 гг. данная тематическая категория присутствует в каждом Послании, за исключением 2007 г. (рисунок), например, «должны быть защищены имущественные права граждан, обеспечены гарантии их собственности на жилье, на земельные участки, банковские вклады, на иное движимое и недвижимое имущество» (2000); «незыблемость права частной собственности. ... Это позволяет гражданам спокойно, без опасений заключать соглашения по таким жизненно важным вопросам, как, например, приобретение жилья или его приватизация» (2005); «политические свободы граждан и их частная собственность неприкосновенны» (2008).

Позднее упоминания собственности в правовом контексте сокращаются; в 2010-х гг. такой контекст позиционирования частной собственности если не сменяется, то дополняется ценностным: «лучший способ сделать бизнес патриотичным – обеспечить эффективные гарантии защиты собственности» (2012);

¹¹ Анализировались тексты Посланий, доступные на сайте URL: <http://kremlin.ru>
Дата скачивания текстов Посланий за 2000–2021 гг. – 8 октября 2022 г., за 2023 г. – 31 марта 2023 г.

«добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства – это такие же базовые консервативные ценности, как патриотизм, уважение к истории, традициям, культуре своей страны» (2014); «в условиях хаоса 90-х страна начала создавать экономику на основе рыночных отношений, частной собственности – в общем, всё и правильно» (2023).

Источник. Рассчитано автором по текстам посланий Президента РФ Федеральному Собранию.

Частота тематических категорий, определенных по ключевым словам, в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию (2000–2023 гг.), абсолютные значения

В 2007 г. в дискурсе Посланий к *праву* частной собственности добавляется *ответственность* ее владельца, причем речь идет об ответственности за содержание жилой собственности, «создании объединений эффективных собственников жилья», однако эта тема не развивается в дальнейшем; лишь в 2021 г. упоминается необходимость принятия закона, который «установит финансовую ответственность собственников предприятий за ликвидацию накопленного вреда».

Собственность как *объект контроля и учета* появляется в Посланиях 2008, 2009, 2011 г.: речь о декларировании доходов и имущества государственных и муниципальных служащих, работников правоохранительных органов; в 2018 г. заявляется о необходимости «формировать собственные цифровые платформы ... для учёта прав собственности».

Параллельно с позиционированием собственности Послания транслируют смыслы связанных с ней финансовых инструментов – кредитов на её покупку и налогообложения. В Посланиях кредиты гражданам на приобретение объектов собственности ограничиваются ипотечными, а ипотека определяется как способ решения жилищной проблемы: «низкие доходы населения и высокие процентные ставки на финансовых рынках, неразвитый рынок жилья и огромные цены на строительство – это далеко не полный перечень проблем, которые можно и нужно решать с помощью механизмов ипотеки» (2002). Поэтому семья и индивиды в связке с кредитами поначалу обозначаются как *жильцы*, и только к концу «нулевых» годов становятся *собственниками* с определениями *ответственный* и *эффективный* (2007).

Динамика содержания «кредитной» тематической категории отражает развитие института ипотеки: снижение ставки по ипотечным кредитам обозначается как цель приоритетного проекта «Доступное и комфортное жильё – гражданам России» (2006); разрешается использовать «материнский капитал» на погашение ипотечных кредитов (2010); анонсируются программы льготной ипотеки для многодетных семей и работающих в бюджетной сфере (2011); доступность жилья уравнивается с доступностью ипотечных кредитов (2012, 2016–2020).

Если из всего, что было сказано в Посланиях о российской налоговой системе, выделить тезисы о налогообложении собственности граждан, увидим, что в них преобладает дискурс заботы и минимизации налоговой нагрузки: предложение отменить налог на имущество, переходящее в порядке наследования (2005); чрезмерность налоговой нагрузки на собственников жилья, что «тормозит создание эффективных механизмов реформирования жилищно-коммунального хозяйства» (2007) и в целом налога на имущество физических лиц, который должен быть «справедливым и посильным для граждан» (2018); льготное налогообложение имущества многодетных семей: «принцип должен быть

очень простой: больше детей – меньше налог» (2019). Линия «донастройки налоговой системы в интересах российских семей» продолжена в 2023 г.: «семьи с двумя и более детьми освобождаются от уплаты налога с продажи жилья, если они решили приобрести новую, более просторную квартиру или дом».

Жилье по сравнению с другими объектами собственности граждан находится на особом положении – только в двух Посланиях Президента нет упоминаний, касающихся каких-либо аспектов жилищных отношений. И конечно же, жилье позиционируется как условие создания и существования семьи, повышения рождаемости. Инструментом заботы, повышающим доступность жилья, являются программы льготной ипотеки, адресованные молодым и многодетным семьям.

Другой наиболее часто упоминаемый объект, который может принадлежать гражданам, – земельный участок – испытывает в Посланиях смысловую трансформацию, в итоге оказываясь также включенным в жилищные отношения: если в начале 2000-х гг. он упоминается как объект прав собственности, то с 2010 г. – как *предоставляемый, выделяемый* под индивидуальное жилищное строительство без уточнения, на правах владения или пользования.

В целом в публичном политическом дискурсе, представленном Посланиями Президента РФ Федеральному Собранию, с 2000 до 2023 гг. интенсивность темы собственности граждан снижается, сжимается до жилья, причем о жилье говорится как об объекте покупки или строительства, но не владения, пользования, распоряжения. Акценты смещаются от защиты и незаблемости прав собственности к финансовым инструментам, связанным с нею (рисунок), и если сначала жилищная ипотека, то затем и налогообложение имущества наделяются смыслом заботы о (многодетной) семье – дискурсивно собственность граждан всё больше ассоциируется с приватной, семейной сферой.

От личной к частной собственности: многослойность приватизации

Какое отношение к частной собственности демонстрировало в течение прошедших тридцати лет население страны? Возможность получить в частную собственность разные объекты воспринималась в начале 1990-х гг. преимущественно позитивно.

В одном из первых всероссийских опросов по этой теме (1991 г.) из «социальных явлений, возникающих в условиях развития новых форм собственности», наиболее положительно оценивалась продажа земли в частную собственность – так ответили 66,7% респондентов, отнеслись к этому отрицательно 18,8%, затруднились ответить 14,5%. Оценки приватизации жилья были уже менее определенными – затруднились проявить свое отношение к ней 24,2%, но отнеслись положительно 49,8%, отрицательно – 26,0%. Наряду с «закрытием неэффективных предприятий» (положительно воспринимали 73,7%) это были три наиболее одобряемые составляющие «развития новых форм собственности»¹². Жилые объекты – квартира и дача – оказались на первом месте по готовности населения их приобрести, земля и финансовые активы менее желанны; о готовности стать собственниками недвижимости бизнес-назначения сообщали не более 6–13% (табл. 1).

Таблица 1. Желание населения приобрести в личную собственность квартиру, земельный участок, предприятия, 1991 г.

Объект собственности	Желание приобрести				Всего
	готовы приобрести в ближайшее время	готовы приобрести, но пока не видят возможности	не хотят приобрести	не думали об этом	
Садовый участок, дача	43,2	31,5	17,0	8,3	100
Квартира	31,3	45,2	14,8	8,7	100
Акции, ценные бумаги	16,8	30,5	33,1	19,6	100
Земля	16,0	22,3	44,3	17,4	100
Магазин, кафе, столовая	2,5	10,8	66,4	20,3	100
Предприятие бытового обслуживания	1,3	6,6	71,3	20,8	100
Школа, детский сад, учреждение здравоохранения	1,1	4,5	74,4	20,0	100

Источник. «По материалам единовременного выборочного обследования 14,5 тыс. человек, проведенного в ноябре 1991 г.; % от опрошенных»¹³.

В следующие десятилетия личный характер частной собственности в представлениях россиян существенно не изменился.

¹² Народное хозяйство Российской Федерации. 1992. Стат. ежегодник / Госкомстат России. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 79.

¹³ Там же. С. 80.

И в начале «нулевых», и в конце «десятих» годов частная собственность ассоциировалась прежде всего с квартирой, домом, дачей, своим участком земли, личным автомобилем; гораздо меньше людей связывали с правами собственности сбережения, бизнес, ценные бумаги, а приватизация начала 1990-х ассоциировалась в большей степени с нечестным переделом крупной собственности и в гораздо меньшей – с приватизацией квартир и возможностями для свободного ведения бизнеса [Собственность..., 2006; Волков, Колесников, 2018].

Собственность населения хотя и стала частной, для большинства оставалась приватной, и в эту зону личного россияне не хотели бы допускать государство. В двух сопоставимых всероссийских опросах, проведенных в 2005 и 2010 гг., лишь 2–4% респондентов считали возможным, чтобы государство ограничивало права собственности на жилую недвижимость, автомобиль, земельный участок, используемый для собственных нужд; по мнению большинства граждан, вмешательство государства допустимо в случае собственности на объекты, имеющие общественное значение (природные объекты и ресурсы, средства производства), хотя за пять лет стало меньше тех, кто допускал ограничение прав собственности на них со стороны государства (табл. 2).

Желание ограничить доступ к собственности проявилось в пространственных практиках «закрытия» жилья через появление массивных дверей с кодовыми замками и домофонами на входе в подъезды, огораживания дворов многоквартирных домов с установкой таких же замков или шлагбаумов. Конечно, заборы и контролируемые «точки входа» в жилые пространства не являются сугубо российской особенностью. Но постсоциалистические страны с массовым «многоквартирным» наследием дали пример поступательного, планомерного и, похоже, необратимого закрытия полуприватных пространств с иной хронологической последовательностью институционализации закрытости, чем в западных странах: движение «машины закрытия входов» (gating machine) в бывших соцстранах в 1990-е – начале 2000-х начинается с фрагментарных личных или коллективных инициатив, девелоперы подключились к созданию закрытых городских и пригородных территорий позднее [Hirt, Petrovic, 2011], тогда

как в «классическом» американском варианте гейтинг инициируется девелоперами [Vesselinov et al., 2007].

Таблица 2. Мнения россиян о том, по каким видам собственности государство может ограничивать права собственников, множественный выбор вариантов при ответе на вопрос (2005–2010 гг.), %

Объект собственности	2005*	2010**
Леса, реки, озера и другие водоемы	86	В источнике вариант не указан
Недра и содержащиеся в них полезные ископаемые	85	68
Побережья морей и водоемов	84	61
Заводы, фабрики, магазины и др. предприятия и организации	66	44
Акции предприятий (2010: акции предприятий, паи в акционерных обществах и малых предприятиях)	37	26
Земельный участок, используемый для производства сельхозпродукции на продажу	9	13
Крупная сумма денег	16	12
Квартира	3	3
Дача, загородный дом	3	
Автомобиль	3	3
Земельный участок, используемый для собственных нужд	4	2
Ни по каким, собственник должен быть полностью свободен в распоряжении своей собственностью	В источнике вариант не указан	22

Источник. * [Собственность..., 2006: 16]; ** [Готово ли..., 2010: 43].

Немногочисленные исследования огораживания и закрытия дворов в крупных российских городах фиксируют, что оно было добровольным, происходило по инициативе самих жителей [Мельников, 2016; Аксенов, 2021]; и в целом исследователи делают в чем-то парадоксальный вывод, что домофоны на двери подъезда и заборы вокруг многоквартирных домов были проявлением «внутридомовой» солидарности [Attwood, 2012], что закрытие внутридомового, придомового и дворового пространств – «самый масштабный пример неполитической гражданской самоорганизации населения со времен перестройки» [Аксенов, 2011. С. 69], приведший к «групповой приватности».

Практика установки домофонов как маркеров «своего» пространства и барьеров для «чужих» распространяется из мегаполисов в малые города. В 2011 г. «домофонизация» многоквартирных домов в городах-«миллионерах» была уже стопроцентной;

среди всех городских домохозяйств из многоквартирных домов имели кодовые замки или домофоны на двери подъезда 82%; к 2022 г. эта величина выросла до 91%, прежде всего – за счет жителей небольших городов¹⁴. Эту массовую установку домофонов и заборов вокруг многоквартирных домов, несмотря на дискурс безопасности, можно интерпретировать как «диффузию» приватизации за двери квартир, в полуприватные пространства.

Жилье – ядро собственности большинства российских домохозяйств, но специфическое из-за своей насущной необходимости и отсутствия иных возможностей, помимо обладания, удовлетворить потребность в нем (во всяком случае – в подобных масштабах). Это проявляется в том числе в целях, с которыми приобретаются дополнительные жилые объекты. Согласно данным Банка России, в 2022 г. 9,3% домохозяйств планировали покупку или строительство жилья¹⁵. Членов домохозяйств, живущих в собственном жилье и намеренных приобрести жилую недвижимость, спросили о целях таких планов. Самый распространенный вариант – «улучшить жилищные условия», его выбрали 52,6% из данной группы респондентов; второй по частоте – «отселить членов домохозяйства», 24,0%; далее – «оставить в наследство», 14,6%. И только 5,6% респондентов рассматривают покупку или строительство дополнительного жилья как инвестицию, 23,5% российских домохозяйств имеют в собственности «второе» жилье, помимо занимаемого – квартиру, комнату в квартире или дом. Из этих семей сдают «второе» жилье в аренду 9,5% (2,2% среди всех домохозяйств); используют его в качестве залога для получения кредитов – 0,3%; 20,9% домохозяйств, имеющих в собственности дополнительную жилую недвижимость (4,9% среди всех домохозяйств), не использовали ее на момент опроса, даже для личных нужд.

Эти данные согласуются как с публичным политическим дискурсом собственности, так и с другими данными: жилье – это

¹⁴ Расчеты автора на микроданных Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого в 2011–2022 гг. Росстатом. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 04.04.2023).

¹⁵ Расчеты автора на микроданных Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам, проведенного в 2022 г. по заказу Банка России по репрезентативной выборке домохозяйств. URL: https://www.cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-po-potrebitel-skim-finansam (дата обращения: 04.04.2023).

прежде всего семейный актив, и проблематизируется, скорее, покупка жилья, но не обладание им; инвестиционное и рентное использование жилья распространено незначительно.

Заключение

Хотя в 1990-е гг. россияне переживали новый опыт обретения и обладания частной собственностью, «массовизация» собственности в России не была уникальным явлением: благосостояние, основанное на активах (*asset-based welfare*), экономика активов (*asset economy*) к тому времени в экономически развитых странах стали идеей и моделью государственной политики. Она подразумевает не только перераспределение денежных средств в виде социальных трансфертов, но и создание индивидами и домохозяйствами «подушки безопасности» в виде активов, владение которыми должно снижать риски, связанные с нестабильностью рынка труда [Вайс, 2021; Ronald et al., 2017; Adkins et al., 2022]. Чтобы противостоять угрозе низкого уровня жизни, системы государственных социальных трансфертов недостаточно: гражданам предлагается инвестировать в нефинансовые и финансовые активы с растущей стоимостью, которые в будущем могут быть проданы с последующей покупкой менее дорогих аналогов, как в случае жилья, или стать ресурсом текущего потребления, как в случае пенсионных накоплений.

Реализация политики благосостояния, основанного на активах, подразумевает конструирование и внедрение в повседневность нормы обладания, а не пользования (аренды), а также финансовализацию повседневной жизни [Вайс, 2021; Hillig, 2019]. Трудно сказать, звучали ли аргументы, связанные с наделением граждан РФ активами для минимизации рисков падения уровня жизни, при принятии решения о бесплатной приватизации жилья и земли и следующих инициатив по увеличению собственности, но по факту доля российских домохозяйств, живущих в своем жилье, по разным источникам, доходит до 85–90% [Богомолова, Черкашина, 2021]. И хотя пенсионная реформа, которая должна была сформировать долгосрочные финансовые активы россиян, фактически свернута, финансовализация так или иначе присутствует в российском варианте государства благосостояния в виде программ льготных кредитов на покупку объектов собственности, льготного налогообложения.

Относительный плюс ситуации, когда для большинства россиян собственность не столько экономический актив, сколько нечто личное, приватное, в том, что низкие доходы населения и, как следствие, малочисленность носителей инвестиционных и рентных стратегий в отношении жилья не обостряют существенно дилемму противоположных интересов «включенных в рынок» и «исключенных из него», когда первые заинтересованы в росте цен на жилье, вторые – в его дешевизне [Doling, Ronald, 2010; Weiss, 2014].

Здесь лишь упоминается, но подробно не рассматривается бизнес-собственность россиян. К массовым представлениям, в которых бизнес слабо ассоциируется с частной собственностью населения, добавим, что по расчетам на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, только среди членов 2–3% домохозяйств есть владельцы или совладельцы предприятий. Но бизнес-собственность – высококонцентрированные активы, обладатели которых не попадают в выборки массовых обследований. Конечно, часть домохозяйств использует имущество – автомобили, гаражи, второе жилье – в предпринимательских целях, для получения дохода, однако эти практики, как и вся постсоветская история бизнес-собственности населения, требуют отдельного рассмотрения.

Что в СССР, что в РФ политика государства в отношении имущества населения проходила периоды от кардинального передела (перераспределения), расширения механизмов доступа к имущественным благам, стимулирования обладания личной или частной (во всех смыслах) собственностью к ее контролю и ограничению. Естественно, конкретное институциональное «наполнение» этих периодов отличалось.

Как бы россияне ни стремились сохранить приватный статус своей собственности, скорее всего, мы наблюдаем начало следующего, уже четвертого периода государственного регулирования этой сферы социально-экономических отношений – собственность становится средством и объектом контроля. В таком ключе ранее рассматривалось имущество политиков, чиновников, руководителей государственных предприятий, но сейчас, во-первых, «имущественной проверке» подвергаются все претенденты на социальную поддержку государства; во-вторых, по нормативному акту, известному как закон «об электронных повестках», при нарушении правил воинского учета предусмотрено наказание

в виде ограничения прав собственности (в пользовании и распоряжении имуществом)¹⁶.

Литература/References

Аксенов К.Э. Куда вас теперь не пускают: как менялась публичная доступность пространства в жилых кварталах Санкт-Петербурга в XXI веке? / Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. Отв. ред. А.Г. Махрова. М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2021. С. 223–239.

Aksenov, K.E. (2021). Where are you not allowed now: how has the public accessibility of space in residential quarters of St. Petersburg changed in the XXI century? *Geourbanistics and Urban planning: theoretical and applied research*. Editor A.G. Makhrova. Moscow: Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Pp. 223–239. (In Russ.).

Аксенов К.Э. Тенденции изменения публичной доступности пространства в постсоветском метрополисе: сжатие или расширение? // Известия Русского географического общества. 2011. Т. 143. № 2. С. 58–70.

Aksenov, K.E. (2011). Tendencies of changes in public accessibility of space in the post-Soviet metropolis: contraction or expansion? *Proceedings of the Russian Geographical Society*. Vol. 143. No. 2. Pp. 58–70. (In Russ.).

Бессонова О.Э. Жилье: Рынок и задача. Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 160 с.

Bessonova, O.E. (1993). *Housing: Market and distribution*. Novosibirsk: «Science». Siberian Publishing Company. 160 p. (In Russ.).

Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: собственность и налоги // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 51–77. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77

Bogomolova, T.Yu., Cherkashina, T.Yu. (2021). Non-Financial Wealth of Russian Households: Property and Taxes. *Mir Rossii*. Vol. 30. No. 3. Pp. 51–77. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77 (In Russ.).

Борщевский Г. Отражение ценностей российского общества в Посланиях Президента Федеральному Собранию // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 84–103. DOI: 10.17323/1728–192x-2022–3–84–103

Borshchevskiy, G. (2022). References to the Russian Society's Values in the Presidential Addresses to the Federal Assembly. *Sociologicheskoe obozrenie*. Vol. 21. No. 3. Pp. 84–103. DOI: 10.17323/1728–192x-2022–3–84–103. (In Russ.).

Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение / Пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Weiss, H. (2021). *We Have Never Been Middle Class. How Social Mobility Misleads Us*. Translated from the English by N. Protsenko; edited by A. Smirnov. Moscow: HSE Publishing House. 200 p. (In Russ.).

¹⁶ Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304140051> (дата обращения: 09.06.2023).

Волков Д., Колесников А. Новая русская мечта: частная собственность для детей / Московский Центр Карнеги. 2018. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

Volkov, D., Kolesnikov, A. (2018). *New Russian Dream: Private Property for Children*. Carnegie Moscow Center. (In Russ.) Available at: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (accessed: 30.07.2023).

Гонтмахер Е.Ш. Национальные проекты: первые итоги реализации // SPERO. 2008. № 8. Весна–Лето. С. 119–134.

Gontmaher, E. Sh. (2008). National Projects: the First Outcomes. *SPERO*. No. 8. Pp. 119–134. (In Russ.)

Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. 344 с.

Gorshkov, M.K., Krumm, R., Tikhonova, N.E. *Is Russian society ready for modernization?* (2010). Moscow. Publishing House «The Whole World». 344 p. (In Russ.)

Дятлов В.И. «Частный сектор» советского города: дома, дворы и люди в словах и образах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 19–29. DOI: 10.24866/1998–6785/2021–1/19–29

Dyatlov, V.I. (2021). «Private sector» of the Soviet city: houses, yards and people in words and images. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 1. Pp. 19–29. (In Russ.). DOI: 10.24866/1998–6785/2021–1/19–29

Зюзина Е.Б. Послания Президента Российской Федерации: эволюция меседжей (2012–2019 годы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 15–20.

Zuzina, E.B. (2020). The Messages of the President Russian Federation: Evolution of the Messages (2012–2019). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. No. 2. Pp. 15–20. (In Russ.).

Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 5–66.

Meerovich, M.G. (2003). Power and housing (housing policy in the USSR in 1917–1940). *Acta Eurasica*. No. 1. Pp. 5–66. (In Russ.).

Мельников М.В. Отношение новосибирцев к ограждению придомовой территории // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1. С. 94–104.

Mel'nikov, M.V. (2016). Attitude of Novosibirsk Inhabitants to Fencing of Areas Adjacent to Residential Houses. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 1. Pp. 94–104. (In Russ.).

Рощина Я., Илюнькина Н. Анализ влияния мер государственной поддержки ипотечного кредитования на доступность жилья в России: региональный разрез // Деньги и кредит. 2021. № 4. С. 98–123. DOI: 10.31477/rjmf.202104.98

Roshchina, Ya., Ilyunkina, N. (2021). Impact of government measures to support mortgage lending on housing affordability in Russia: regional evidence. *Money and Finance*. No. 4. Pp. 98–123. (In Russ.). DOI: 10.31477/rjmf.202104.98

Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян/ Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2006. 392 с.

Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., Chepurenko A.Yu. *Property and business in the life and perception of Russians* (2006). Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Nauka. 392 p. (In Russ.).

Adkins L., Cooper M., Konings M. The asset economy: conceptualizing new logics of inequality // *Distinktion: Journal of Social Theory*. 2022. Vol. 23. No 1. Pp. 15–32. DOI: 10.1080/1600910X.2021.1904429

Arundel R., Ronald R. The false promise of homeownership: Homeowner societies in an era of declining access and rising inequality // *Urban Studies*. 2021. No. 58 (6). Pp. 1120–1140. DOI: 10.1177/0042098019895227

Attwood L. Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No 5. Pp. 903–928. DOI: 10.1080/09668136.2012.681243

Doling J., Ronald R. Home ownership and asset-based welfare // *Journal of Housing and the Built Environment*. 2010. No. 25. Pp. 165–173. DOI 10.1007/s10901-009-9177-6

Hillig A. Everyday financialization: The case of UK households // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2019. No. 51 (7). Pp. 1460–1478. DOI: 10.1177/0308518X19843920

Hirt S., Petrovic M. The Belgrade Wall: The Proliferation of Gated Housing in the Serbian Capital after Socialism // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011. Vol. 35, Issue 4. Pp. 753–777. DOI:10.1111/j.1468-2427.2011.01056.x

Kohl S. The political economy of homeownership: a comparative analysis of homeownership ideology through party manifestos // *Socio-Economic Review*. 2020. Vol. 18, Issue 4. Pp. 913–940. DOI: 10.1093/ser/mwy030

Ronald R., Lennartz C., Kadi J. What ever happened to asset-based welfare? Shifting approaches to housing wealth and welfare security // *Policy & Politics*. 2017. Vol. 45. No. 2. Pp. 173–93. DOI: 10.1332/030557316X14786045239560.

Vesselinov E., Cazessus M., Falk W. Gated Communities and Spatial Inequality // *Journal of Urban Affairs*. 2007. Vol. 29, No. 2. Pp. 109–127. DOI: 10.1111/j.1467-9906.2007.00330.x

Weiss H. Homeownership in Israel: The social costs of middle-class debt // *Cultural Anthropology*. 2014. No. 29 (1). Pp. 128–149. DOI: 10.14506/ca29.1.08

Статья поступила 02.07.2023

Статья принята к публикации 13.08.2023

Для цитирования: Черкашина Т.Ю. Личная, частная, приватная – что значит для россиян собственность, которой они владеют? ЭКО. 2023. № 11. С. 110–130. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-11-110-130

Информация об авторе

Черкашина Татьяна Юрьевна (Новосибирск) – кандидат социологических наук, доцент. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: touch@nsu.ru; ORCID:0000-0002-0994-4388

Summary

T.Yu. Cherkashina

Personal, Private, Proprietary – What does Property they Own Mean to Russians?

Abstract. The paper utilizes normative documents to describe the institutional conditions of formation and increase of personal and private property of the population of the USSR and the Russian Federation, in which the basic object of ownership is housing; the characteristics of the public state discourse in relation to such property are defined on the example of the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, and the data of sociological surveys and household surveys show how Russians themselves treat it. The state policy is shifting from encouraging citizens to acquire property, primarily residential real estate, and bringing it into the zone of formal (registrable) rights to the use of property in controlling functions. In the public discourse since the early 2000s, the emphasis has shifted from the protection of citizens' property rights to financial instruments related to it (housing mortgage, property taxation); property is associated with the private, family sphere. The attitude of the population to property is generally consistent with this discourse: the dominant object of ownership of the majority of Russians is occupied housing; its purchase, but not its possession, is problematized.

Keywords: *private property; personal property; privatization; discourse; Address to the Federal Assembly; attitude to property*

For citation: *Cherkashina, T.Yu. (2023). Personal, Private, Proprietary – What does Property they Own Mean to Russians? ECO. No. 11. Pp. 110–130. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-110-130*

Information about the author

Cherkashina, Tatyana Yurievna (Novosibirsk) – Candidate of Sociology Sciences, Leading Researcher. Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk State University.

E-mail: touch@nsu.ru; ORCID: 0000–0002–0994–4388